

Е. В. Корш

**Атеней: журнал критики,
современной истории и
литературы**

Часть 1. Январь и февраль 1858

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. В. Корш**
Атеней: журнал критики, современной истории и литературы: Часть 1. Январь
и февраль 1858 / Е. В. Корш – М.: Книга по Требованию, 2015. – 548 с.

ISBN 978-5-517-97548-5

ISBN 978-5-517-97548-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О ФРАНЦУЗСКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

Histoire des classes agricoles en France par Daresté de la Chavanne. 1854.

Histoire des paysans par Eugène Bonnemère. 1856.

Histoire des classes rurales en France et de leurs progrès dans l'égalité civile et la propriété par M. H. Daniol. 1857.

Въ настоящее время нѣтъ въ Европѣ страны, въ которой бы крестьяне имѣли такое политическое значеніе, какъ во Франціи. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1848-мъ году право голоса было распространено на всѣхъ гражданъ безъ исключенія, воля абсолютнаго большинства сдѣлалась въ ней источникомъ и опорой всякой государственной власти. Но большинство это состоитъ изъ крестьянъ. Тогда какъ въ Англіи $\frac{3}{4}$ народонаселенія сосредоточиваются въ городахъ, во Франціи около двухъ третей принадлежатъ къ жителямъ селъ. Въ рукахъ французскихъ крестьянъ находится, слѣдовательно, рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые волнуютъ современное общество на Западѣ. И точно, они играли едва-ли не важнѣйшую роль въ послѣднихъ политическихъ переворотахъ Франціи. Они служили главною опорой бонапартизму; ихъ голосъ содѣйствовалъ преимущественно возведенію на престолъ нынѣшняго императора. И теперь, когда въ городахъ снова пробуждается республиканское движеніе, фран-

цузское правительство находить въ селахъ постоянную поддержку своей власти. При господствѣ всеобщаго права голоса, самая оппозиція не можетъ иначе достигнуть своихъ цѣлей, какъ дѣйствуя на сельское населеніе.

Не мудрено, что въ послѣднее время земледѣльческій классъ сдѣлался предметомъ тщательнаго изученія. До тѣхъ поръ французскіе историки мало обращали на него вниманія. Гизо, Тьерри и другіе, въ своихъ изслѣдованіяхъ, имѣли въ виду преимущественно сословіе городское, которое, стоя на первомъ планѣ, заслоняло собою меньшую братью. Въ самомъ дѣлѣ, горожане, представители либеральныхъ идей, были главными двигателями французской исторіи. Они поддерживали королевскую власть въ ея борьбѣ съ феодализмомъ; они же потомъ были зачинателями революціи. Наконецъ въ XIX вѣкѣ, послѣ долгой, упорной, часто кровавой исторической борьбы, горожане торжествовали свою побѣду, но здѣсь—то они почувствовали, что и подъ ними шатается почва. Ихъ взорамъ открылось неожиданное зрѣлище: на сцену выдвигалась новая сила, которая грозила Франціи страшными потрясеніями. То былъ пролетаріатъ. Однако и этотъ новый элементъ исходилъ изъ города. Городскіе работники своимъ бѣдственнымъ положеніемъ возбудили участіе благотворительности, вызвали ученія социалистовъ, обратили на себя вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей въ Государствѣ. Самая политическая жизнь Франціи пришла въ зависимость отъ этой подвижной массы, не всегда увѣренной въ своемъ пропитаніи. Работники были главными дѣятелями въ возстаніяхъ и переворотахъ, которые волновали Францію въ послѣднюю четверть столѣтія. Вслѣдствіе этого, всѣ взоры устремились на пролетаріевъ. Правительство, ученныя общества производили слѣдствія объ ихъ положеніи, стали изучать ихъ нравы; политическія партіи старались на нихъ дѣйствовать; социалисты и экономисты препирались, по поводу возбужденныхъ ими вопросовъ. Эта вражда достигла наконецъ высшей степени ожесточенія, когда въ 48-мъ году рабочій классъ, послѣ насильственнаго переворота, занялъ мѣсто въ самомъ политическомъ организмѣ. Испуганные мѣщане видѣли себя на краю пропасти и отчаявались даже въ судьбѣ своего отечества. Но въ эту минуту оказалось, что по селамъ Франціи разсѣяно 25 милліоновъ людей,

проникнутыхъ самымъ охранительнымъ духомъ, и на которыхъ смѣло можетъ разсчитывать даже правительство, идущее наперекоръ либеральнымъ требованіямъ образованныхъ классовъ.

Крестьяне до тѣхъ поръ оставались какъ-будто въ сторонѣ отъ движенія. Ихъ затмѣвали и чрезмѣрный блескъ и чрезмѣрныя страданія городского класса. Но между тѣмъ исторія не прошла для нихъ даромъ. Они составляли часть того великаго третьяго сословія, котораго горожане были только высшими представителями. Вмѣстѣ съ послѣдними, они шагъ за шагомъ возвышались на общественной лѣстницѣ и постепенно приобрѣли себѣ свободу, собственность и наконецъ политическія права. «Просвѣщеніе, говоритъ г. Дарестъ, озаряя извѣстную страну, не можетъ не бросать лучей своихъ на всѣхъ ея жителей, и даже тогда, когда оно распредѣляетъ ихъ неравномѣрно, оно достаточно богато для всѣхъ. Если мы признаемъ эту важную истину, то надобно принять и другую, не менѣе драгоценную: именно, что между всѣми членами народа, къ какому бы сословію они ни принадлежали, каково бы ни было различіе ихъ занятій и интересовъ, существуетъ, какъ между всѣми членами семейства, гораздо болѣе тѣсная связь, нежели обыкновенно думаютъ. Эти положенія совершенно согласны съ разумомъ; не менѣе согласуются они и съ исторіею. Если въ этомъ отношеніи могло существовать какое-либо сомнѣніе, то надобно приписать оное тому, что исторія рабочихъ классовъ, хотя она въ нѣкоторыхъ частяхъ освѣщена учеными изслѣдованіями, въ общемъ итогѣ остается доселѣ неизвѣстною. Внимательное ея изученіе должно убѣдить всякаго, что время не напрасно двигалось для этихъ классовъ, и что тамъ, гдѣ поверхностные историки видѣли между ними и высшими сословіями мнимое противоборство, существовала напротивъ тѣсная связь; скажу болѣе, полное почти общеніе чувствъ и интересовъ.»

Этими убѣжденіями проникнута книга г. Дареста. Коснувшись вкратцѣ положенія сельскихъ сословій до XIII-го вѣка, авторъ подробнѣе изображаетъ постепенное развитіе ихъ быта, отъ исхода среднихъ вѣковъ до революціи. Нельзя однакоже сказать, что задача выполнена совершенно удовлетворительно. Не говоря о нѣкоторыхъ значительныхъ пробѣлахъ, особенно въ исторіи общиннаго управленія, можно полагать, что авторъ

представляет многія средневѣковыя учрежденія съ слишкомъ-выгодной стороны. Онъ нерѣдко старается объяснить общественною пользою такія права, которыя были явнымъ послѣдствіемъ права сильнаго. Нѣтъ сомнѣній, что всякое учреждение должно понимать съ точки зрѣнія того времени, въ которое оно существовало, а не прилагать къ нему масштабъ, заимствованный изъ другой эпохи, но нельзя переносить въ прошедшее и такія понятія объ общественной пользѣ, которыя были оному чужды. Господство силы можетъ составлять одну изъ характеристическихъ явленій извѣстнаго періода развитія, и таковымъ оно именно было въ средніе вѣка.

Другой, еще болѣе важный недостатокъ книги г. Дареста состоитъ въ томъ, что жизненная сторона учреждений оставлена совершенно въ сторонѣ. Мы видимъ развитіе юридическихъ установлений, отчасти мы знакомимся даже и съ экономическими условіями быта, но не знаемъ, на сколько соблюдались положенія закона или обычая. Между тѣмъ ясно, что особенно тѣ эпохи, въ которыя сила имѣетъ болѣе власти, нежели законъ, изображеніе юридической стороны жизни менѣе всего можетъ дать намъ вѣрное понятіе о послѣдней. Какъ поступали феодалыне владѣльцы съ своими виланами? Чтò дѣлали господа въ своихъ помѣстьяхъ въ XV, XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ? На эти вопросы книга г. Дареста не даетъ отвѣта, а между тѣмъ подобныя черты чрезвычайно важны для надлежащей оцѣнки данной эпохи, не говоря уже о томъ, что такое опущеніе лишаетъ историческую картину ея жизненной яркости.

Послѣдній недостатокъ могло бы восполнить сочиненіе г. Бонмера, еслибы оно не было написано съ крайне-односторонней точки зрѣнія. Г. Бонмеръ, повидимому, принадлежитъ къ тому разряду французскихъ демократовъ — социалистовъ, которые, подводя всѣ эпохи подъ исключительную мѣрку настоящихъ своихъ требованій, видятъ въ исторіи не постепенное развитіе народа, а постоянную несправедливость, отъ которой слѣдуетъ отдѣлаться. Это—отрицательное направленіе во всей его силѣ. Автору нельзя отказать въ начитанности, но прибрѣтенный матеріалъ употребленъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею

крестьянъ, сколько повѣствованіемъ о претерпѣнныхъ имъ притѣсненіяхъ. Къ несчастью, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь разсказъ преисполненъ декламациею, риторическими выходками и преувеличеніемъ, которыя невольно заставляютъ заподозривать самую фактическую вѣрность изображеній. Авторъ тщательно выбираетъ изъ источниковъ всякую частность, которая можетъ сгустить краски на его картинѣ, и чѣмъ мрачнѣе событіе, хотя бы оно случилось въ какомъ-нибудь углу государства, тѣмъ ярче оно выставляется на видъ, какъ характеристическая черта цѣлой эпохи. Между тѣмъ, на каждомъ шагѣ встрѣчаются явленія другаго рода, которыя опускаются безъ вниманія, не смотря на то, что они, по-видимому, могли бы навести изслѣдователя на довольно важныя соображенія. Такъ, говоря объ освобожденіи сельскихъ общинъ, начиная съ XVII вѣка, г. Бонмеръ приходитъ въ негодованіе насчетъ корыстолюбія господъ, которые свободу продавали за деньги, вмѣсто того, чтобы даромъ возвращать ее крестьянамъ. Но читатель невольно спрашиваетъ себя: откуда же эти несчастные, ограбленные, притѣсненные, могли добыть достаточно денегъ, чтобы откупиться и удовлетворить корыстолюбію господъ, когда владѣльцы могли притомъ отнять у нихъ все имущество даромъ, безъ всякаго вознагражденія? Г. Бонмеръ не хочетъ даже признать сельскихъ жителей членами третьяго сословія, ибо послѣднее играло важную роль въ исторіи Франціи, имѣло представителей въ генеральныхъ и мѣстныхъ штатахъ, а это значительно уменьшило бы мрачность картины. Только въ 1789 году, послѣ долгой ночи, начинается заря новой жизни, но и тутъ опять народъ обманывается въ своихъ надеждахъ.

Такимъ образомъ, г. Дарестъ и г. Бонмеръ могутъ служить представителями двухъ противоположныхъ направленій науки: одинъ слишкомъ старается оправдать все прошедшее, другой слишкомъ старается оное унизить. Нельзя не сказать однако, что первый показалъ несравненно болѣе историческаго и критическаго такта, нежели послѣдній. И не мудрено: не смотря на нѣкоторую односторонность, онъ стоитъ на истинной дорогѣ и смотритъ на исторію не съ точки зрѣнія современной страсти, а какъ ученый наблюдатель, который изучаетъ дежа-

щія передъ нимъ явленія. Книга его можетъ служить лучшимъ руководствомъ для изученія исторіи французскихъ крестьянъ.

Наконецъ, г. Даниоль одинаково удаленъ и отъ излишняго пристрастія къ старицѣ, и отъ излишняго къ ней пренебреженія. Книга его имѣетъ несомнѣнныя достоинства, хотя и нельзя поставить ее слишкомъ высоко. Авторъ, повидимому, предположилъ себѣ ограниченную цѣль — прослѣдить успѣхъ земледѣльческаго класса въ приобрѣтеніи личныхъ правъ и собственности. Въ этомъ онъ полагаетъ существенную историческую задачу французскихъ крестьянъ. Начиная отъ среднихъ вѣковъ, они постоянно, непреклонно, черезъ всѣ преграды и бѣдствія, стремятся къ достиженію полной личной свободы и, обезпечивающей ее, собственности. Наконецъ, въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія, это прогрессивное историческое движеніе увѣнчивается окончательнымъ успѣхомъ. Ограничивъ, такимъ образомъ, предметъ своего изслѣдованія, авторъ долженъ былъ, разумѣется, оставить безъ вниманія много другихъ жизненныхъ сторонъ. Но и въ этой области, которую онъ для себя избралъ, можно замѣтить существенный недостатокъ: фактическая почва слишкомъ мало разработана. Книга г. Даниоля представляетъ болѣе общій очеркъ развитія, нежели подробную исторію учреждений. Наконецъ нельзя не пожалѣть, что авторъ не обратилъ большаго вниманія на свое изложеніе. Сбивчивый и темный слогъ книги едва напоминаетъ простоту и ясность французскаго языка. Ученые Франціи не приучили насъ къ подобнымъ литературнымъ явленіямъ.

Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробный разборъ упомянутыхъ сочиненій. Цѣль наша въ настоящей статьѣ представить читателямъ главныя черты историческаго развитія французскихъ крестьянъ и затѣмъ оцѣнить нынѣшнее положеніе ихъ въ государствѣ.

Древнѣйшею формою сельской общины во Франціи былъ кланъ — видъ родового быта, свойственный кельтическому племени. Родоначальникомъ постоянно считался старшій въ старшемъ колѣнѣ. Онъ былъ полный властелинъ своихъ родичей; простой народъ, говоритъ Цезарь, находится почти въ рабствѣ. Земля, будучи принадлежностью всего рода, состояла въ распорядженіи владыки, и каждый годъ родичи передѣляли ме-

жду собою участки. Эти племена, говоритъ г. Дарестъ, были довольно похожи на шотландскіе кланы, которые существовали еще двѣсти или триста лѣтъ тому назадъ, хотя первые безспорно были погружены въ большее варварство, нежели послѣдніе, такъ что, отложивши національное тщеславіе, было бы справедливѣе сравнить ихъ съ тѣми народцами, которые блуждаютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки или американскаго материка ¹⁾.

Въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Галлы были покорены Римлянами. Побѣдители не имѣли привычки обращать въ рабство подчиненные народы: довольствуясь данью, службою, политическою властью, они предоставляли мѣстнымъ жителямъ значительную степень самостоятельности. Поэтому, прежнія отношенія не подверглись существеннымъ переменамъ: родоначальники стали землевладѣльцами, народъ остался въ подчиненномъ положеніи и мало по малу обратился въ холоповъ. Въ замѣнъ потерянной независимости, Галлы пріобрѣли сѣмена гражданственности и просвѣщенія, развитое муниципальное право, наконецъ получили отъ Римлянъ новую религію—христіанство. Однако съ большимъ и большимъ ослабленіемъ Имперіи, положеніе областей становилось все хуже. Чѣмъ менѣе было средствъ у центральной власти, тѣмъ тяжелѣе были обязанности, которыя она возлагала на подданныхъ, тѣмъ болѣе она требовала отъ нихъ денегъ. Такимъ образомъ, умножились и законныя вымогательства и беззаконныя грабежи. Провинціи разоряли до конца, а правительству отъ этого было не лучше. Не смотря на страшное развитіе деспотизма, все ускользало изъ рукъ дряхлѣющаго Государства. Каждый старался избавиться отъ гнетущаго его бремени, каждый пытался либо укрыться отъ преслѣдованій власти, либо добыть себѣ привилегію, и правительство слишкомъ часто не имѣло способовъ воспротивиться этому стремленію. Общество такимъ образомъ распа-

¹⁾ У насъ подобно сравненію вызвало бы страшное возгласъ объ отрицательномъ направленіи. Захѣтилъ притомъ, что гальскіе кланы были сравнительно болѣе развиты, нежели наши славянскіе роды въ IX вѣкѣ, ибо у первыхъ образовалось уже могущественное жреческое сословіе и развитая система идеологій.

далось на части. Чтобы удержать его отъ погибели, законодательство стало прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ: оно старалось заключить каждаго гражданина въ безвыходное положеніе, прикрѣпить его силою къ тому мѣсту, гдѣ онъ долженъ былъ исполнять свои обязанности. Такъ всегда дѣйствуютъ государства слишкомъ слабыя, потому ли, что они дряхлѣютъ, потому ли, что они растутъ. Въ Римской Имперіи это стремленіе къ укрѣпленію жителей выразилось преимущественно въ двухъ явленіяхъ: въ городахъ образовалось сословіе куріаловъ, на которыхъ лежала вся тяжесть податей съ разорительною отвѣтственностью, въ селахъ развился колонатъ. О послѣднемъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Въ древности рабочій классъ состоялъ преимущественно изъ рабовъ; занятія же гражданина заключались главнымъ образомъ въ политической дѣятельности. Особенно въ послѣднія времена римской республики, послѣ всемірныхъ войнъ, которыя подчинили ей почти всѣ извѣстные тогда народы, сословіе рабовъ умножилось до чрезвычайности. Образовались огромныя помѣстья, населенныя ими, и нерѣдко эти несчастные претерпѣвали жесточайшія мученія, ибо рабъ считался вещью, находящеюся въ полномъ распоряженіи хозяина. Императорское законодательство постепенно смягчало ихъ участь: ихъ стали приобщать къ гражданскому обществу; они получали собственность, право брака; юристы, согласно съ новыми началами права, стали утверждать, что по природѣ всѣ люди свободны. Христіанство сильно содѣйствовало этому движенію; оно окончательно облекло раба въ человѣческой образъ. При Константинѣ Великомъ, убійство раба было сравнено съ убійствомъ свободнаго чловека.

Еще болѣе облегчилась участь низшаго класса съ образованіемъ колоната. Хотя, въ послѣдніе вѣка Имперіи, значительная часть народонаселенія все еще состояла изъ рабовъ, однако въ селахъ гораздо многочисленнѣе были колонны. Эта новая форма подчиненія являлась, какъ переходъ отъ рабства къ свободѣ: оставаясь лично вольнымъ, колонъ считался рабомъ земли. Онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ ее покинуть, ни вслѣдствіе перевода на другія земли, ни переходомъ въ другія сословія; все это было строго запрещено. Въ этомъ отношеніи ко-

лонъ становился ниже раба, ибо послѣдній могъ быть освобожденъ господиномъ, тогда какъ первый оставался вѣчно привязаннымъ къ своему мѣстопробыванію. Колонъ сидѣлъ на чужой землѣ; онъ не могъ даже имѣть собственность иначе, какъ съ разрѣшенія господина, и приобрѣтенною не смѣлъ безъ дозволенія распоряжаться, ни передавать ее въ другія руки. Господинъ имѣлъ право наказывать колона, а послѣдній не могъ призывать его къ суду иначе, какъ въ нѣкоторыхъ, закономъ определенныхъ, случаяхъ, именно: за излишнія требованія и за обиды. Главное право колона заключалось въ томъ, что вещественныя обязанности его къ господину ограничивались извѣстнымъ, разъ навсегда установленнымъ цензомъ; сверхъ этого запрещено было требовать отъ него какія-либо работы, или поборы. Отношенія были такимъ образомъ юридическія, строго определенныя, и съ этой стороны Римляне оказали Западной Европѣ неоцѣнимую услугу. Юридическая определенность гражданскихъ отношеній, не смотря на всю анархію средневѣковаго быта, никогда не погибала совершенно, и въ послѣдствіи послужила лучшею оградой человѣческой личности. Какъ римское муниципальное право протянулось незамѣтно черезъ всю варварскую эпоху, чтобы съ бѣльшимъ блескомъ возродиться въ городскомъ движеніи XII и XIII столѣтій, такъ и юридическія гарантіи, вложенныя въ колонатъ, вынесли весь произволъ феодализма, чтобы потомъ, при лучшемъ порядкѣ, оградить отъ насилія личность и собственность крестьянина. Этой выгоды не имѣли народы Восточной Европы, которые не принимали дѣятельнаго участія въ римской образованности. Потому у насъ, при установленіи крѣпостнаго состоянія, крестьянинъ подчинился полновластному господству помѣщика. При существующей юридической неопредѣленности не было для него обезпеченій отъ произвола.

Завоеванія Галліи Германцами еще болѣе разстроили и безъ того уже ослабленное общество. Все пришло въ броженіе, всѣ отношенія перепутались. Правда, германскія племена не явились дикими завоевателями, которые физическую силу признаютъ высшимъ своимъ закономъ; нѣкоторые изъ нихъ заняли землю по договору съ Римлянами, всѣ болѣе или менѣе подчинились вліянію высшей образованности, всѣ приняли религію

покореннаго народа, котораго знатнѣйшія лица заняли высокія мѣста въ новомъ обществѣ. Но не смотря на то, прочнаго порядка не могло установиться. Военная дружина была основана на договорѣ лицъ совершенно свободныхъ, не знающихъ надъ собою власти, а потому она, по существу своему, не допускала государственнаго устройства. Всѣ попытки возстановить нѣчто похожее на римскую систему управленія оказались тщетными. Съ неудержимою силой влеклось общество врозь; каждый старался обособиться, отдѣлить себѣ область для безпрепятственнаго расширенія своего владычества. Когда, наконецъ, послѣ долгаго броженія все утѣлось, и отдѣльныя части связались между собою, тогда установился нѣкоторый порядокъ. Но онъ держался не на преобладаніи общаго элемента, а на частныхъ, разнообразныхъ отношеніяхъ между членами. Возникло множество мелкихъ центровъ, съ различнымъ внутреннимъ устройствомъ, различнымъ образомъ соединенныхъ съ другими, и такъ какъ соблюденіе этихъ связей окончательно зависѣло отъ воли могучихъ лицъ, то право сильнаго было однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ феодализма,—элементъ, лежавшій въ самой его основѣ.

Понятно, что, при такомъ общественномъ порядкѣ, положеніе низшаго народонаселенія было незавидное. Крестьяне цѣлою бездной отдѣлялись отъ высшаго сословія. Не смотря на все разнообразіе быта, не смотря на отсутствіе общихъ юридическихъ нормъ, между ними проходила черта, которая вытекала изъ самой жизни и не допускала ихъ смѣшенія. То было различіе занятій: одни были люди военные, другіе люди рабочіе.

Чтобы вполнѣ постигнуть значеніе этого раздѣленія, необходимо припомнить существо тѣхъ гражданскихъ понятій, которыя господствовали въ средніе вѣка. Въ обществахъ, гдѣ достаточно развито государственное начало, въ которомъ воплощается общественное единство, первое мѣсто при оцѣнкѣ человѣческой личности занимаетъ общій ея элементъ; тамъ достоинство чловѣка опредѣляется дѣятельностью его на общую пользу. Въ средніе вѣка напротивъ, при владычествѣ частныхъ отношеній, это общее начало уступало мѣсто частнымъ, случайнымъ опредѣленіямъ личности. Рожденіе, образъ жизни служатъ здѣсь главнымъ мѣриломъ чловѣческаго до-